

ГЕНЕЗИС СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА КОЛХОЗНИКОВ

В постсоветской историографии и публицистике стало особенно заметно одно из свойств человеческого характера, когда чувства опережают мысли. С одной стороны это хорошо, потому что сильные чувства стимулируют поиск истины. С другой стороны приходится согласиться с наблюдением, что человек становится беднее мыслями по мере того, как он обогащается чувствами. Это особенно наглядно видно, когда читаешь гуманистические оценки крупных учёных, прочувствованные строки серьёзных обществоведов, честных политиков, талантливых писателей – всех, кто затрагивает какие-либо сюжеты из судеб колхозников тридцатых годов. С кем только их не сравнивают – с барскими крепостными, с государственными крепостными, с рабами Древности. Иногда в одной и той же в целом добротной научной работе можно встретить на одной странице сравнение колхозника с рабом, на другой – с крепостным крестьянином.

Примеров таких огромное множество, ограничусь только одним, взятым исключительно для иллюстрации. В научном мире широко известен весьма эрудированный историк Дмитрий Волкогонов серией книг о "вождях". Во второй книге «Ленин – Политический портрет» читаем: "Подрезав жилы российскому крестьянству ещё при жизни Ленина, большевистские вожди, вернув село в барщину XX века, до последнего момента не хотели признать, что давно уже шли в исторический тупик" (с. 165). На той же странице автор называет колхозников "новыми крепостными XX века". На странице 171 вариант: "Ещё в декабре 1932 года последовало новое решение властей – крестьян лишили паспортов. Они окончательно превратились в советских крепостных". Ещё через две страницы: "Ведь именно они, колхозы, оказались способными разрушить крестьянскую общину и превратить жителей села в государственных крепостных. С тех пор на протяжении десятилетий коммунистическая система с поразительным упорством пыталась добиться, чтобы колхозная барщина стала эквивалентной свободному труду". Вернёмся к странице 169, речь идёт о времени коллективизации: "Это было время превращения крестьянства в подневольное полурабское социалистическое сословие". Тремя страницами позже, оценивая директивные установки Сталина на совещании марксистов-аграрников, автор пишет: "Сословие рабов XX века и не могло ждать другой установки" [1].

Если мы попытаемся выяснить различия в социальном статусе колхозника, крепостного крестьянина (вотчинного, удельного или государственного) и раба, обратившись за помощью к социологическим энциклопедиям и словарям, нас также ожидает серьёзное теоретическое затруднение. Научная некорректность сравнения колхозника с рабом с помощью этого справочника может быть устранена лишь частично. А вот выясняя различия в статусе крепостного крестьянина и колхозника, попадаем в дополнительный терминологический лабиринт, из которого не легко выбираться. К примеру, авторы «Социологического энциклопедического словаря», изданного на пяти языках (Москва, 2004), пишут: Крестьянство – это "социальная категория земледельцев, проживающих в деревне и занимающихся земледельческим трудом, основанном на различных видах собственности (например, общинная, частная, кооперативная) в зависимости от типа общественного устройства. Социальная сущность крестьянства и его положение в обществе определяются способом производства". И далее авторы этого же академического издания утверждают, что существовало "крестьянство колхозное". Колхозное крестьянство, по их мнению, – это "Класс сельскохозяйственных производителей в социалистических странах, возникший в

результате создания колхозов". Авторы СЭС, издания 2004 г., бездумно заимствовали понятие колхозное крестьянство из 13-го тома Большой Советской Энциклопедии: "Завершающим этапом осуществления кооперативного плана была сплошная коллективизация сельского хозяйства в СССР, в результате которой создан колхозный строй, и возник новый класс социалистического общества – **колхозное крестьянство**".

Вдумчивый читатель легко заметит, что крестьянин, по словам самих же авторов словаря, – это тот, кто основывал свой сельскохозяйственный труд на **различных типах собственности**: "общинной, частной, кооперативной". Но ведь общеизвестно, что большевистская власть физически начала экспроприацию частной земельной собственности крестьянства уже в 1918 г. 27 января 1918 г. на заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета был принят соответствующий большевистский «Закон о социализации земли», положенный в основу наступления на крестьянскую, равно как и другие формы собственности. Первая статья Общих положений гласила: **"Всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы в пределах Российской Советской Республики отменяется навсегда"**.

Более того, в споре с Каутским Ленин признал, в порыве запальчивости, что свою абсолютную монополию на землю Ленин и его команда заявили уже самым фактом захвата власти. "Частная собственность на землю в России с 26.X.1917 г., т.е. с первого дня пролетарской социалистической революции, отменена. ...Революционному крестьянству в России **дальше идти некуда**, ничего "идеального", с этой точки зрения, как национализация земли и равенство землепользования, ничего радикального (с этой же точки зрения) **быть не может**". (подчёркивания Ленина) [2].

По вполне понятным причинам Ленин вместо термина (понятия) "огосударствление" употребил слово "национализация". Но ни экономической, ни юридической, ни политической сути законодательного акта это не меняет. Все научные словари ясно и чётко толкуют: национализация это отчуждение имущества частных лиц и передача его в собственность государства. Никто, никогда ни этого закона от 27 января (9 февраля) 1918 г., ни ленинского законодательного замысла об огосударствлении всей земли не отменял, вплоть до ликвидации СССР и принятия постсоветских актов. Следовательно, в большевистских колхозах не могли быть сохранены ни общинная собственность, ни частная, ни кооперативная. Они, колхозы, создавались только **на базе государственной собственности**. С завершением колхозного строительства не только физические лица (колхозники), но и юридические лица (колхозы) никаких прав собственности на землю, ни на пахотные, ни на иные, не имели. Земля законодательно была объявлена единым земельным фондом государства. Это юридически закреплялось и во всех большевистских конституциях. Согласно 11-й статье Конституции СССР 1936 г. земля, как и прежде, объявлялась в **исключительной** собственности государства. Более того. Распоряжение земельным фондом страны было отнесено к компетенции Союза ССР. Только центральная власть Союза, а не союзных республик, имела право **устанавливать основы землепользования**.

Прежде, чем перейти к озаглавленной проблеме по существу, примем во внимание ещё несколько принципиальных юридических замечаний по типам общинной, частной и кооперативной собственности. Собственность как гражданско-правовой институт представляет собою совокупность юридических норм, которые регулируют экономические отношения собственности **методами гражданского права**. Поэтому со времён Древнего Рима юристы говорят о праве собственности в объективном и в субъективном смыслах. В субъективном смысле право собственности – это право отдельного лица – **1) владеть, 2) пользоваться и**

3) **распоряжаться** имуществом по своему усмотрению и в своих интересах непосредственно в пределах закона и независимо от воздействия других лиц. Одним из центральных **институтов гражданского права** является совокупность правовых норм, которые регулируют и охраняют состояние принадлежности (присвоенности) материальных благ конкретным лицам.

Наши не только школьные, но и многие вузовские учебники едва ли не единодушно утверждают, якобы после так называемой "отмены крепостного права" крестьяне стали **"лично свободными"**. Это утверждение юридически, мягко говоря, некорректно. Проблема в том, что через хитроумный механизм "великого освобождения" крестьяне были всего лишь переведены из сословия частновладельческих (барских) крепостных в сословие государственных крепостных. Владение общинное и подворное не стало **институтом частной собственности**. Крестьяне не получили **субъективного права** в том юридическом смысле, как его понимает частное право. Следовательно, "освобождённые" крестьяне, в отличие от дворян и других сословий, не **стали субъектами гражданского права**. Несмотря на сравнительно либеральную судебную реформу 1864 г. их продолжали пороть до 1903 г. Подчиняя это сословие государству всеми средствами, включая телесные наказания, власть, по словам главы царского правительства С.Ю. Витте, оскорбляла в Человеке Бога.

Не случайно юрист по образованию и потомственный дворянин по происхождению Ленин после захвата власти так категорически заявил о своей законодательной философии: **"ничего частного мы не признаём"**. По юридической логике, крестьянство, равно как и другие граждане Российской республики, объявлялись большевиками вне правовой защиты нового государства, отдавались во власть "революционной целесообразности" новых, большевистских, чиновников, прикрывавших себя именем пролетариата. Это, по их логике, открывало правовую дорогу к "воспитанию" коммунистического человека всеми средствами "вплоть до расстрелов" (слова Николая Бухарина, "ценнейшего, по аттестации Ленина, теоретика партии"). "Неограниченная никакими законами диктатура" (официальное толкование нового политического режима, сформулированное Лениным) большевистских властей распространялась на крестьянство через военно-административные механизмы коммунистического экспериментаторства в годы Гражданской войны. Как в стране в целом, так и в деревне в особенности. В годы НЭПа диктатура осуществлялась через механизмы **"государственного принуждения"** (определение Ленина). На протяжении всего периода социалистического и коммунистического строительства – через тоталитарный партийно-государственный аппарат. В постсоветское время государственный акт об официальной ликвидации колхозов также был принят без демократического согласования с колхозниками.

Между прочим, заметим, что последнему акту бурно аплодировал весь Запад, даже чопорные лорды английского парламента. А бывшие колхозники, получившие виртуальные земельные паи, ныне удовлетворяются новой "свободой" – митинговать, перекрывая движение транспорта на дорогах и улицах.

Тем не менее, сравнение колхозников с рабами, по нашему мнению, совершенно некорректно. Прежде всего, **по принципиально различным юридическим основаниям порабощения лица**. Во-вторых, сравнение социального статуса колхозника и раба непродуктивно с методологической точки зрения. Такой подход к проблеме мешает нам исследовать целый пласт нравственно-этических и духовных последствий социальной "переделки" личности до большевистского крестьянина в большевистского колхозника. Переделки в "аграрника-марксиста", как выразился Сталин на конференции аграрников-марксистов (27 декабря 1929 г.).

Посмотрим, как философы древности и как современная наука определяли и определяют состояние рабства. Если бы каждое орудие могло выполнять свойственную ему работу само, рассуждал Аристотель... если бы ткацкие челноки сами ткали, а плектры сами играли на кифаре, тогда и зодчие не нуждались бы в рабочих, а господам не нужны были рабы. "Из вышесказанного ясно, что такое раб по своей природе и по своему назначению: кто **по природе принадлежит не самому себе**, а другому и при этом всё-таки человек, тот по своей природе раб" [3].

Согласно Конвенции о рабстве, подписанной в Женеве 25 сентября 1926 г. рабство определяется как **"положение или состояние лица, в отношении которого осуществляются некоторые или все полномочия, присущие праву собственности"**. Поскольку рабство, как одна из древнейших форм эксплуатации человека, оставалось широко распространённым явлением вплоть до середины XX века, Женевская конвенция 43 государств вынуждена была в 1956 г. одобрить Дополнительную конвенцию об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством.

Поставленная в избранной теме задача, заключается не только в том, чтобы по-новому, на основе прежде недоступных источников посмотреть на конкретику процесса формирования социального статуса колхозника. Над этим придётся работать ещё долгие годы, расширяя документальную базу. Наиболее актуальным представляется изучение в сравнительном подходе **нравственно-этических и правовых оснований** порабощения человека в древних государствах классического рабства и в послеоктябрьском большевистском государстве. Именно в этом нам видится гуманистический стержень проблемы, намечаемой в настоящих заметках. Сравнительный анализ продуктивен, поскольку всякое сравнение помогает уяснить не только общее, но и особенное в описываемых статусах. Глубина истины может оказаться не столько – в общем, сколько – в особенном.

Прежде всего, просим обратить внимание благожелательного читателя на то, что во всех государствах Древности в рабов обращали военнопленных, а не правоспособных граждан своей страны. Военнопленные или люди, захваченные в другой стране – это, прежде всего, "чужаки", иностранцы. Греки и римляне видели, что военнопленные – это иноверцы, то есть люди, не поклонявшиеся греческим и римским богам. Для философии и правосознания гражданина Древней Греции и Древнего Рима все, кто жил за пределами их отечества, – "барбары", то есть варвары – необразованные, грубые, невежественные, свирепые, жестокие и немилосердные. Исходя из такого морально-правового постулата, древнегреческие и римские претенденты на мировое господство распространяли рабовладельческие порядки на целые народы и континенты. В новое и новейшее время белые европейцы и американцы использовали Африку в качестве обширного заповедного поля для охоты на чернокожих рабов. Не без лицемерного морального "обоснования" обращали в рабское состояние миллионы жителей колониальных и зависимых стран.

В отличие от выше перечисленных рабовладельцев марксисты-ленинцы уже в 1918 г. начали экспроприировать собственность **соотечественников**. Крестьян, ремесленников, кустарей, мелких торговцев – всех, кто своим тяжелым трудом и жесткими ограничениями в потреблении годами создавал базу своего мелкого и среднего индивидуального хозяйства. Экспроприруя земли и орудия производства у соотечественников, их обращали в полевых государственных рабочих, загоняли в государством же сформированные организационные структуры, фарисейски названные коммунами и колхозами. Фактическая, а не пропагандистская политика такого реформирования социальной структуры аграрного сектора страны заключалась в том, – и ленинцы этого не скрывали, – чтобы подчинить своей диктатуре Российскую республику, превратить её народ и материальные ресурсы

страны, в первоначальный "очаг и базу для развёртывания мировой революции" (формулировка Сталина).

Большевистские теоретики не стали отягощать себя поисками юридического обоснования для своих притязаний на "никакими законами не ограниченное право" экспроприировать в первую очередь земельную собственность крестьян. Полагали достаточно того, что им необходимо ликвидировать крестьянское индивидуально-семейное производство, поскольку оно объективно может стать экономической основой (товарно-денежные отношения) возрождения "небольшевистских" партий, которые по логике заявят свои правовые притязания на разделение власти.

Основанием порабощения свободного гражданина в государствах классического рабства служили только факты тяжких уголовных преступлений, невозвращение долгов и иные злостные правонарушения. Граждан Российской республики лишали их трудовой собственности и обращали в класс полевых рабочих коммун и колхозов без предъявления юридически сформулированного обвинения. Наличие "преступного" деяния, по большевистскому законодательству, устанавливалось на основе выявления экономической состоятельности и материально-технической оснащённости конкретного владельца индивидуально-семейного хозяйства. Степень тяжести деяния квалифицировалась по народнической социальной шкале (типологии): **бедняк, середняк, кулак**. Исходя из такой социальной градации бедняк-комбедовец наделялся большевистской властью правом активно участвовать не только в экспроприации сравнительно зажиточного и среднего достатка крестьянина, но и в решении вопросов о его политических и иных правах, конфискации средств производства, личного имущества, высылке с места жительства, ссылке в отдалённые районы, лишения жизни "без суда и следствия".

Процессуальная процедура принятия "судебных" (по существу внесудебных) решений сводилась, чаще всего, к волевому военно-административному акту. Известно, что необходимым условием юридической ответственности является наличие **вины**, то есть наличие психического отношения человека к своему противоправному деянию и его последствиям. Понятно, что у русского крестьянина не могло быть никакого исторического умысла против большевистского государства. **Умыслом** грамотные и честные правоведа считают осознание человеком **общественной опасности** совершаемых им деяний. Русский крестьянин и его предки веками трудились в строгом соответствии с библейскими заповедями. Трудились напряжённо, жестко экономили на питании и одежде, рачительно вели несложное хозяйство и тем тысячу лет кормили не только свою страну. Их тяжкий труд позволял государству торговать, выручая другие народы российским продовольствием.

Однако на сверку с "моральными" установками большевистского законодателя оказалось, что чем крестьянин состоятельнее, тем выше степень его общественной опасности. И взамен известного понятия смертная казнь, которая в цивилизованных государствах устанавливалась только за особо тяжкие уголовные, политические и религиозные преступления, Лениным и его большевиками-юристами вводится размытое, расширенное до беспредела понятие **"высшая мера социальной защиты"**. Именно она массово вменялась по основаниям социальной принадлежности человека.

Невольная вина не виновата, говорили римские юристы. Показательны в этом отношении простые, но подлинно философские размышления переселенца Лободы Феодосия Матвеевича из украинского города Николаева. В письме, отправленном 22 августа 1932 г. из Пермского края в адрес Политбюро ЦК ВКП(б), он пытается растолковать юристам-марксистам: **"Ведь провинностью я считать не могу то, что родился в семье кулака, в этом я был бессилён и многие в моём положении. ...Я родился в 1899 г., не имел земли, не имел хозяйства, а я кулак.**

...Я служил в Красной Армии, в учреждениях уездкома г. Николаева (УССР), такое зло выкорчёвывал с корнем, а теперь я корчусь на Урале и думаю как проживу ли до завтра или умру с голода, а здесь это эпидемия. ...Не так смотрит Коммунистическая партия". На грани смерти от голода и непосильного труда тенденциозно обвинённый Николаевским ГПУ в наличии в нём "кулацкого духа" и "опасности коллективизации" Феодосий Матвеевич пребывал в мучительной тревоге за судьбу своих детей, которым надо посещать школу, за судьбу детей всех переселенцев, оказавшихся в колонии вместе со своими родителями. "Неужели им тоже будет объявлено, что они родились в семье сына кулака и у них выработается противосоветская натура, благодаря лишь только тому, что они случайно попали в такую обстановку. Нет, это в корне неправильно" [4].

В последние годы достоянием гласности стали документы, внимательный анализ которых даёт дополнительные аргументы утверждать, что Ленина и его последователей вдохновляла не коммунистическая идея, как идеал социального переустройства общества. Вековой инстинкт восточнославянской общинности, коллективистская идеология, "примитивная крестьянская демократия" использовались ими для обмана, использовались как средство для политических комбинаций на пути к захвату и установлению неограниченной власти. Об этом свидетельствуют не только дореволюционные статьи Ленина, направленные против гуманистической философии Льва Николаевича Толстого, но и жесточайшие репрессии большевистского государства против коммун толстовцев, пытавшихся устраивать свои земледельческие общезжития без частной собственности, без административно-управленческого аппарата. Внутренний уклад жизни толстовцев определялся общим собранием коллектива их коммуны, советом коммуны. Общины толстовцев еще с 1880-х годов формировались в губерниях и областях: Московской, Тверской, Харьковской, Симбирской, в Закавказье, в городах Москве и Алма-Ате. Толстовские колонии имелись в Англии и Южной Африке.

Студент Горной академии Борис Васильевич Мазурин, исповедовавший высокие духовные идеи великого писателя, в 1922 году стал руководителем одной из толстовских коммун. К тому времени, вспоминает он, уже во всех краях России были активные единомышленники Л.Н. Толстого. Большинство из них жили на земле, кто работал коллективно, кто единолично. *"Кто просился в колхоз, – пишет он, – не принимали как толстовца. Кто не хотел идти в колхоз, а его тащили, кто вступил, но столкнулся с разными сторонами колхозной жизни, идущей вразрез с их убеждениями. Живших в сельскохозяйственной общине «Всемирное братство» под Царицыным (Волгоград) выгнали, а имущество всё взяли и т.д. и т.д.*

...Вины за этими людьми не было никакой... каждый из них смел иметь какие-то свои личные особенности, свой взгляд на жизнь... и тут возникла мысль – единомышленникам Л. Толстого, желающим работать на земле, собраться и переселиться в одно место для совместной коллективной жизни и труда" [5].

В поисках разрешения жить по толстовским принципам устройства жизни на основе морально-религиозного самоусовершенствования В.В. Мазурин неоднократно побывал на приемах у управляющего делами Совнаркома РСФСР и одновременно руководителя опытного совхоза «Лесные поляны» В.Д. Бонч-Бруевича, у члена ВЦИК СССР П.Г. Смидовича, у самого Председателя ВЦИКа М.И. Калинина. И, наконец, только 28 февраля 1930 г. состоялось постановление Президиума ВЦИК «О переселении толстовских коммун и артелей».

"Наше переселение, – заканчивает свои воспоминания неутомимый толстовец, – было делом рук и мысли самих крестьян, вызывая и развивая в них самостоятельность, инициативу, подъем. Никакой мысли не было о вознаграждении за труд, о каком то строгом оформлении плана, о каком то

руководстве, – никаких заранее стесняющих рамок! А дело шло. Свободный дух предприимчивости, не капиталистической, а коллективной предприимчивости, крестьянской, гаснет там, где работают за зарплату и по указке свыше". Заключительная часть воспоминаний о толстовской коммуне звучит, как прямое сравнение её преимуществ перед большевистской организацией полевых рабочих, фарисейски наименованной колхозом. У коммунаров-толстовцев "не было директоров, прорабов, титульных списков, проектов, банковских счетов, ассигнований, смет, перечислений, проблемы кадров, норм выработки, разрядов, экономистов, целого взвода бухгалтеров, бюллетеней (больничных листов)... Не было всего этого громоздкого, скрипучего бюрократического аппарата, убивающего любую живую инициативу рабочих и тормозящего дело..." [5].

Толстовцам не простили уклонения от генеральной линии ленинского кооперативного плана – их подвергли суровым репрессиям. Стал жертвой государственного террора в 1936 г. и их неутомимый защитник – Борис Васильевич Мазурин.

Необыкновенную ценность представляют документы, в которых отражается духовное величие подлинных искателей организационных форм воплощения коммунистической идеи, в её первоизданном утопическом представлении, именно как идеи равенства и свободы. Крестьянин Дмитрий Егорович Моргачёв, 1892 года рождения, с 1928 г. возглавлял одну из толстовских коммун, затем до 1938 г. был руководителем колхоза. Гонениям и репрессиям подвергался в 1919, 1922, 1938-1940 годах. За что? Предоставим ему слово. Предсмертное.

"Заявление на предмет реабилитации.

Заявляю: я, Моргачёв Д.Е., член толстовкой сельскохозяйственной коммуны, оставшийся в живых из немногих друзей и последователей Толстого. Был арестован в группе 10-12 человек в апреле месяце 1936 г. Срок заключения дан 3 года трудового лагеря. В ноябре месяце 1937 г. срок был отменён за мягкостью. Было и вторичное следствие. Состоялся и вторичный суд по этому же делу, в апреле 1940 г., через 4 года после ареста. По отбытии срока незаслуженно был закреплён за лагерем по директиве 185 работать по найму, где ещё проработал 3 года. Уже отбыл 10 лет.

Коммуна из друзей и последователей Льва Толстого переселилась в Сибирь на основании решения Президиума ВЦИК в 1930 г. Создали большое сельское коммунистическое хозяйство – без "моё", а всё общее, наше, не откладывая на будущее, как Коммунистическая партия. А мы это делали теперь же, в настоящее время, за что дорого заплатили – жизнями членов коммуны... Такую единственную в Советском Союзе коммуну надо было взять под охрану закона как образцовое коммунистическое хозяйство. Но под охрану взяты лишь редкие звери да птицы...

Всё толстовское дело по обвинению членов коммуны... надуманное, ложное. Хотя и было написано несколько объёмистых томов лжи и клеветы на друзей и последователей Л. Толстого, я виновным себя не признал, так как не сделал никакого преступления и не подписал протоколов обвинения. Принял я учение Толстого в 1915 г. во время Первой мировой войны и держусь этого идеального учения уже 60 лет. Человек человеку брат. И с этим учением пойду в Вечность.

В 1963 г. я обратился к вам (генеральному Прокурору СССР – В.Д.) с заявлением о реабилитации... – Получил безжалостный ответ.

Прошу меня реабилитировать перед уходом в Вечность" [6].

Как видим, большевистские диктаторы, они же марксистско-ленинские идеологи в своём своевластии и идеологической нетерпимости превзошли полицейское усердие российских монархов. Царские власти и официальная церковь грозились заточить Льва Толстого в Суздальский монастырь, но ограничились

отлучением его от церкви. Последователей Льва Толстого большевики вначале сослали в Сибирь, затем безжалостно репрессировали. Сибирского поселения для мести оказалось недостаточно. Смиренно повинаясь судьбе, толстовцам оставалось утешаться лишь чувством своего нравственного превосходства над палачами. Для низких натур, говорил Белинский, ничего нет приятнее, как мстить за своё ничтожество, бросая **грязью своих воззрений и мнений** в святое и великое.

Прежде чем перейти к изложению практических "военных и охотничьих" методов переделки большевиками отечественных крестьян в колхозников необходимо рассмотреть идеологические основания социального экспериментаторства. То есть кратко воспроизвести историю разработки Лениным теории аграрного вопроса. Аграрная программа большевиков представляла собою часть их общей программы борьбы за власть на этапах буржуазно-демократической и социалистической революций. В ней определялись общие задачи партии по аграрному вопросу. Понятно, что в изложении своей теории Ленин открыто не говорил о том, что ставит перед своей партией задачу превращения **свободных крестьян с землёй в сельских рабочих без земли** под властью нового, "пролетарского" государства. Он тщательно разрабатывал проблемы использования привлекательных для крестьянства социальных лозунгов для привлечения их на сторону именно большевистской партии на пути к захвату власти (отмена выкупных платежей, возвращение отрезков, передача крестьянам помещичьих, монастырских, кабинетских, удельных и прочих земель и прочие блага, и правовое покровительство).

За крестьянские массы при конструировании своих политических комбинаций боролись и другие социал-демократические и социалистические партии (меньшевики, эсеры), конституционные демократы, анархисты и прочие. Однако вопрос о крестьянской собственности на землю и судьбах индивидуального крестьянского хозяйства каждая партия представляла по-своему.

Социал-демократы меньшевики выступали за **муниципализацию** земли и сохранение индивидуального хозяйства (проект выдающегося экономиста, академика П.П. Маслова, поддержанный Г.В. Плехановым). Согласно их программе мелкое крестьянское хозяйство, основанное на частной собственности, предполагалось сохранить. Надельная земля, то есть полученная после аграрной реформы 1861 г., **закреплялась в частную собственность** крестьян. Помещичьи земли отчуждались (за выкуп или безвозмездно) и поступали в распоряжение органов местной власти – земств. Земства не имели бы права продажи и заклада земель этого фонда. Благодаря чему фонд сохранялся с тем, чтобы крестьяне по мере развития их хозяйств, **могли пользоваться арендой земли** за определённую плату. Аграрная программа социал-демократов меньшевиков предусматривала также и национализацию земли, но только частичную национализацию, никаким образом не ущемлявшую коренных земельных и имущественных интересов многомиллионного крестьянства. Национализации, то есть передаче частнособственнических земель в собственность будущего **демократического** государства, подлежали земли помещичьи, церковные, монастырские, кабинетские, удельные. Кабинетские земли являлись собственностью императорской фамилии и управлялись Кабинетом его императорского величества. Удельные земли также принадлежали царской семье на правах собственности, но управлялись Главным управлением уделов. Преобладающей формой повинностей, прикрепленных к этим землям удельных крестьян, был оброк. В сравнении с помещичьими крестьянами удельные крестьяне пользовались большей свободой хозяйственной деятельности.

Социалисты-революционеры (эсеры) выступали за **социализацию** земли и сохранение индивидуального и общинного хозяйства. Социализация рассматривалась ими как передача всей земли в распоряжение органов местного

самоуправления без выкупа, уравнительное её распределение по трудовой или потребительской норме среди крестьян, которые вели хозяйство собственным трудом. Следовательно, аграрная программа социалистов революционеров также предусматривала **строительство социализма, но без экспроприации наличных крестьянских наделов**, орудий и средств производства, ведение индивидуально-семейного хозяйства с полной свободой предпринимательской деятельности. Эсеры не разделяли марксистско-ленинскую догму, согласно которой путь крестьянства к социализму лежал через капитализм, через социальное расслоение деревни на сельскую буржуазию и сельский пролетариат (батрачество), на их непримиримую борьбу. Эсеры продолжали в новых условиях развивать народнические экономические теории о том, что крестьянские хозяйства не являются мелкобуржуазными, что они устойчивы, и их производство способно противостоять конкуренции крупных капиталистических хозяйств. Не считая крестьян социалистами "по природе", как полагали старые народники, эсеры были убеждены, что общинно-кооперативные традиции их жизни выработали в их правосознании способность воспринять идеи аграрного социализма. Задача интеллигенции заключалась в том, чтобы помочь крестьянству проникнуться социалистическим сознанием и бороться за создание рабоче-крестьянского союза против самодержавной государственной власти.

Наиболее влиятельная политическая партия, состоявшая по преимуществу из интеллигенции, части либерального дворянства, средней городской буржуазии, именовавшая себя конституционно-демократической партией (кадеты), также признавала, что земля должна принадлежать **"трудовому земледельческому населению"**. А принудительное отчуждение частновладельческих земель должно производиться не безвозмездно, а за вознаграждение, "по оценке, соответствующей нормальной доходности земли". Методика оценки земли проста: она находится в зависимости от бонитировки почв и экономической оценки земли как средства производства.

У анархистов, никогда не составлявших даже зародыша политической партии в общепринятом конституционном понимании, тем не менее, можно проследить их взгляд на проблему земли и собственности. Провозглашая своей целью уничтожение государства, всякой политической власти над обществом и личностью, они выступали за добровольное объединение индивидуумов в свободные и добровольные объединения граждан. Земля и все средства производства должны находиться в полном распоряжении городских и сельских общин, ассоциаций, которые без помощи государственных институтов и государственных чиновников обмениваются плодами своего свободного труда.

"Этот товарищеский продуктообмен, – писал штаб махновцев в своей программе, – между рабочими союзами города и крестьянскими общинами деревни сам по себе установил бы и утвердил бы великое здание свободного рабоче-крестьянского хозяйства, которое общими гигантскими силами всех трудящихся привело бы нас в единую Анархическую коммуну; цветущую садами, знаниями, чувством солидарности и покоящуюся на фундаменте, который гласит: "от каждого по его силам-способностям и каждому по его надобностям-потребностям" [7].

Как видим, только ленинская программа, в отличие от всех выше перечисленных, нацеливалась, в конечном счёте, на национализацию земли, то есть **на безвозмездное изъятие её у крестьян, на огосударствление**. Чтобы на пути к власти в крестьянской стране не вступить, прежде времени, на путь открытой вооружённой борьбы с крестьянством, план обмана их был разработан не только с беспощадной тщательностью, но и с демагогической изощрённостью.

В дореволюционной России (в границах СССР до 17 сентября 1939 г.) из 367 млн. га с.-х. земель 135 млн. га (37 %) было в пользовании трудовых

крестьянских хозяйств, свыше 80 млн. га (22 %) принадлежало относительно зажиточным крестьянам, по народнической и большевистской терминологии – кулакам. Помещики, царская фамилия и монастыри владели 152 млн. га (41 %). Советская историография 70 лет твердила, якобы "В результате Великой Октябрьской революции крестьяне безвозмездно получили 150 млн. га земель, находившихся в руках помещиков, буржуазии, царской фамилии, монастырей и церквей, а также часть казённых земель.

Позднее к трудовому крестьянству, вступившему в колхозы, перешли также земли, принадлежавшие кулачеству, – 80 млн. га" [8].

Фактически крестьянство от большевистской власти **никогда не получило в собственность ни клочка никакой земли**. А миллионы из них, не получили и тех роковых двух аршинов, которые полагаются всякому смертному. "Можно обманывать часть народа всё время, говорил президент США А. Линкольн, – и весь народ – некоторое время, но нельзя обманывать весь народ всё время". Грандиозный по своим историческим последствиям политический обман российского крестьянства начался с ленинского доклада о Декрете о земле на Втором Всероссийском съезде Советов. Учитывая большую популярность лозунга уравнилельного землепользования среди крестьянства, большевики в октябре 1917 г. включили эсеровскую программу (термин и понятие – "социализация земли") в Декрет о Земле. Основные положения Декрета получили конкретное извращение в ряде последующих законодательных актов большевистского государства. В частности в вышеупомянутом «Законе о социализации земли» от 27 января (9 февраля) 1918 г. **социализация** земли в ленинской интерпретации фактически уже подразумевала "**национализацию** земли". То есть земля юридически закреплялась в исключительную собственность большевистского государства.

От того, что лидер большевиков использовал ложь во имя сохранения своей партии у власти или во имя "высоких" социальных идеалов, она не стала менее презренной. После аграрной реформы 1861 г. шел процесс дифференциации в размерах земельной собственности крестьян. Особенно значительные изменения происходили в ходе проведения Столыпинской аграрной реформы. По состоянию до её начала, то есть до включения в землепользование многомиллионных массивов свободных земель Сибири, Урала и Туркестанского края, в среднем на крестьянский двор приходилось наделённой земли у бывших помещичьих крестьян – 6,7 десятины, у удельных – 9,5 десятины, у государственных – 12,5 десятины (десятина равна 1,092 гектара).

После прихода к власти большевиков эти земли, независимо от их размеров, происхождения и порядка пользования конфисковывались. Обратим внимание, что в структуре конфискуемых большевиками крестьянских земель были не только те, что представляли собою первоначальный наделённый клин, но и те клочки, что прикупал рачительный хозяин, чтобы обеспечивать свою растущую семью. Подчеркнём: конфискация производилась не на основе декретов **законодательных** органов, а по декретам органа **исполнительной** власти – Совета Народных Комиссаров. При этом проекты всех декретов и в СНК проходили лишь формальную штамповку, поскольку, по словам самого Ленина, ни один декрет не принимался "без предварительного одобрения на Политбюро".

За годы НЭПа "ослабили верёвку" (выражение Ленина), дали крестьянам возможность спасти население страны от полного вымирания. Выиграв время, подготовили военно-бюрократические кадры для нового государственного наступления против трудового крестьянства. Не менее важный политический фактор – к концу 1920-х годов не осталось ни одной политической партии или мало-мальски структурированной организации, которая была бы способна встать на защиту трудового крестьянства. Средствами идеологической и политической пропаганды,

художественной литературы и кино были сформированы образы зажиточных крестьян (пресловутых кулаков и подкулачников), "кулачествующих" середняков, кустарей и ремесленников как "стяжателей", "барышников", "толстосумов", людей не способных заниматься честным трудом. Их аттестовали как злейших врагов социализма, "последний паразитический класс". Десятилетиями в школах изучался рассказ «Челкаш», в котором Максим Горький изобразил деревенского парня неизмеримо более порочным даже по сравнению с портовым вором и алкоголиком.

Оставалось только дожидаться главного сигнала от партийного вождя, объявившего себя верным исполнителем "заветов Ильича". Запоздалыми оказались призывы Николая Бухарина не "объявлять крестьянской буржуазии "Варфоломеевскую ночь", не организовывать "вторую революцию", "добавочную революцию по деревенской линии". "Если мы будем вести правильную политику, – говорил он в докладе на одном из Пленумов партии, – то нам не придётся проделывать снова революции" [9].

Однако у большинства членов Политбюро ЦК взяли верх ленинская теория и практика вооружённого насилия времён Гражданской войны, несмотря на то, что кулак, по признанию самого же Ленина, **"ведёт хозяйство на земле и часть накоплена им своим трудом"** [10].

"Наступить на кулачество, – потребовал Сталин, – это, значит, сломить кулачество и ликвидировать его как класс. Вне этих целей наступление есть декламация, царпанье, пустозвонство – всё, что угодно, но не настоящее большевистское наступление. Наступить на кулачество – это, значит, подготовиться к делу и **ударить** по кулачеству, но ударить по нему так, **чтобы оно не могло подняться на ноги**. Это и называется у нас, большевиков, настоящим наступлением" [11].

Председатель Совнаркома В.М. Молотов, выступая на заседании Уральского обкома партии, официально обозначил дополнительные социальные категории крестьян, намеченных для немедленного погрома. "Надо **ударить** по кулаку так, чтобы перед нами **вытянулся середняк**". Установка, писал в Политбюро ЦК ВКП(б) зам. наркома финансов М.И. Фрумкин, взятая в последнее время, привела основные массы середнячества к беспросветности и бесперспективности. Всякий стимул улучшения хозяйства – парализует страх быть зачисленным в кулаки. "Объявление кулака вне закона **привело к беззаконию отношений ко всему крестьянству**" [12].

"Мы не должны закрывать глаза на то, предупреждал Фрумкин, что деревня, за исключением небольшой части бедноты, настроена против нас, что эти настроения начинают уже переливаться в рабочие городские центры". Однако непосредственных исполнителей нанесения **"ударов"** по крестьянству, провинциальных партийных вождей – секретарей ЦК партий республик, крайкомов, обкомов – антиколхозное настроение деревни не обескураживало. Ради очередной карьерной ступеньки они с энтузиазмом приступили к социальным погромам, не затрудняя себя чистотой социологического тестирования. Чувствовали себя вполне вооружёнными нормативной правовой базой, а также идеологически "подкованными". Помнили установки Ленина времён Гражданской войны о необходимости полной очистки строительной площадки социализма от мелкого собственнического хозяйства как "базы возрождения капитализма".

Расширяя социальные источники мобилизации даровой рабочей силы для индустриализации (раскрестьянивание кулаков, середняков, "подкулачников" и пр.) центральные власти своевременно позаботились об увеличении сроков лишения свободы. В марте 1930 г. Прокурор РСФСР, вскоре он и Нарком юстиции Н. Крыленко опубликовал в газете «Правда» установочную статью: "На основании резолюции СНК РСФСР от 29 мая 1929 г. сейчас уже не практикуется лишение

свободы на срок меньше года. **Предложено в максимальной степени развить систему принудительных работ.** Проведён ряд мер по использованию труда лиц, на срок свыше трёх лет, на общественно необходимых работах **в специальных лагерях в отдалённых местностях**". Особым пунктом Крыленко предписывал принимать меры для социального устрашения: "...Идее "справедливого воздаяния", возмездия мы противопоставили обязанность суда искать в каждом конкретном случае борьбы с преступностью наиболее целесообразные мероприятия в целях... использование факта судебного приговора **для определённого воздействия на окружающую среду**" [13].

Оставалось приступить к непосредственному вооружённому наступлению. Приведём с сокращениями образец военно-оперативной подготовки кадров к погрому крестьянства.

"Циркуляр Свердловского окружкома ВКП(б) от 6 февраля 1930 г.

Срочно. Сов. секретно.

Возвратить через 24 часа.

*С проведением политики ликвидации кулачества как класса... Окружком предлагает секретарям райкомов под личную ответственность немедленно в 3-х дневный срок по получении сего проверить реальность мобилизационных планов комотрядов на предмет сбора..., чтобы комотряд обеспечивал бесспорную боеспособность и вместе с тем, чтобы в случае сбора отряда и использования его в **боевых операциях**.*

*...Принять меры к тому, чтобы все зачисленные в комотряды члены ВКП(б) немедленно были привлечены к военной подготовке через учебно-строевые единицы Осоавиахима, с тем, чтобы комотряды в случае их сбора представляли из себя действительно боевую **воинскую** единицу. Военная учёба должна быть для всех коммунистов, ибо не зачисленные в отряды члены ВКП(б) будут ближайшим резервом для пополнения комотрядов в случае необходимости" [14].*

Наряду с подготовкой боевых резервов заботились и об обеспечении политической поддержки операции со стороны городских рабочих. Бюро того же обкома ещё в январе приняло строго секретное решение: "Развернуть массовую политическую кампанию среди рабочих на производстве с вынесением постановлений и **одобрением** мероприятий партии и советской власти по ликвидации кулачества как класса". В этом строго секретном постановлении на первом месте также записано, извините за жёсткость оценки, мародёрское распоряжение о порядке учёта и использования конфискованного имущества экспроприруемых крестьян. Также заранее, без всякого суда, определена и мера наказания: "Конкретно установить округа, районы и **количество** возможного расселения кулаков в отдалённых лесных районах (Тобольск, Обдорск, Ивдель, Север-Верхкамского округа и др.). Даже в разбросе количества, планировавшегося выселения видна какая-то дикая бесчеловечность провинциальных вождей. Пункт «б)» гласил: "Исходя из хозяйственных, экономических и политических особенностей каждого округа и района и темпа коллективизации подлежат выселению... 10-15 тысяч человек".

Не исключая слепого усердия местных чиновников, попиравших всякие нормы человечности, документы свидетельствуют, что они в совокупности представляли собою лишь живые провинциальные агрегаты чудовищной по размерам и масштабам невиданного насилия государственной машины репрессий. Война против крестьянства направлялась из единого центра – Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с "верным ленинцем" – Сталиным.

В специальную комиссию "по кулакам", во главе с её председателем А.А. Андреевым поступала оперативная информация о количестве раскулачиваемых. Андреев в то время, в 1931-1932 годах, был в составе Политбюро

ЦК ВКП(б), председателем Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б), наркомом Рабоче-крестьянской Инспекции СССР. «Комиссия тов. Андреева по кулакам», включавшая высших руководителей силовых органов власти, выступала в роли государственного штаба с чрезвычайными полномочиями по учёту и распределению репрессированного крестьянства по заявкам руководителей трудоемких крупнейших предприятий страны. Приведем лишь одну справку за 1931 г. (форма справки сохраняется).

"Совершенно секретно. Тов. Андрееву.

1. В 1930 году всего выселено:	113.013 сем. – 551.330 чел.
2. В 1931 году всего выселено:	243.531 " – 1.128.198 чел.

Итого за 1930 и 1931 гг. выселено 356.544 сем. – 1.679.528 чел.

Из них:

а) Вселено из других областей	245.403 сем. – 1.157.077 чел.
б) Переселено из других областей	111.141 " – 522.451 чел.

3. Выселенные кулаки были вселены в следующие края:

1) Северный край	58.800 сем. – 288.560 чел.
2) В Уральскую область	123.547 " – 571.355 "
3) В Казахстан	50.266 " – 241.331 "
4) В Зап.-Сиб. край	69.916 " – 316.883 "
5) В Вост.-Сиб. край	28.572 " – 138.191 "
6) В Д.В.К.	9.694 " – 49.269 "
7) В Якутию (на Алдан)	1.366 " – 7.157 "
8) В Ленинградск. обл.	6.884 " – 31.466 "
9) В Нижегородский край	1.497 " – 6.316 "
10) В С.К.К.	3.000 " – 15.000 "
11) В У.С.С.Р.	3.000 " – 15.000 "

Итого: 358.544 сем. – 1.679.528 чел." [15]

Количество "мобилизованной" военно-террористическими средствами даровой рабочей силы из деревни настолько опережало потребности в ней на угольных шахтах, лесозаготовках, судоходных каналах, рудниках, приисках золотодобычи, металлургических заводах и прочих "ударных социалистических новостройках", что иные руководители оказывались не в состоянии использовать её немедленно. На таких накладывались административные взыскания. В протоколе заседания Комиссии от 8 июля 1931 г. после росписи по полному удовлетворению всех заявок записано "Объявить выговор директору Тягилстроя т. Трахтер, отказавшемуся принять направленные по его заявке в Тагилстрой 3000 переселенцев из УССР, вследствие чего они были переадресованы на другую работу". Заметим, что цифрами обозначали только число глав семей, не указывая их людность.

Определение количества разорённых крестьянских хозяйств по цифрам официальной статистики раскулаченных семей неизбежно ведёт нас к грубейшему искажению картины народного бедствия. Многоаспектность катастрофического процесса "раскулачивания", реально – раскрестьянивания, будет, несомненно, изучаться ещё долго и сложно. В нём сплелись в трагический узел не только идеология, политика, экономика, но и факторы духовного порядка. Уничтожались трудовые традиции, попирались крестьянская этика и нравы, разрушалась коллективистская и индивидуальная крестьянская мораль, ломались традиционные

формы общественного и семейного воспитания и образования, иерархия материальных и духовных ценностей, социальные и религиозные взгляды, настроения и пр. После фарисейской пропаганды нэповской политики "послаблений верёвки" (выражение Ленина) неожиданное вооружённое нападение правительственных органов на трудовую деревню произвело на крестьян ошеломляющее впечатление. Необъяснимый страх и мучительное ожидание нарастающих социальных бедствий стимулировали массовое бегство населения из деревни.

Приведём характерный пример. Раевкой ласково назвали своё село столыпинские переселенцы, избравшее уютное возвышение у слияния двух степных рек, с звучными названиями Дамса и Колутон (это Шортандинский район Акмолинской области). Труд многосемейной бедноты в полузасушливой местности практически ответил на полемическую проблему Макса Вебера и Гарольда Бермана о том, что может играть ведущую роль в экономическом преуспевании – религиозная этика или стимулирующее свободу предпринимательства правовое регулирование.

За десяток лет выходцы из Донской области, Юга Украины и Молдавии обустроили 360 дворов, с палисадниками для овощных культур, с приусадебными огородами для картофеля. По окраинам селения выстроили семь ветряных мельниц. На степных пастбищах выпасалось пять тучных стад коров. Почти на каждом подворье – тяжёлые каменные катки для обмолота колосьев, в сараях и пригонах плуги, масса всякого инвентаря и инструментов. У некоторых – сложной конструкции веялки. Эти машины были способны выделять зёрна из вороха, очищать от земли, от семян сорняков и сортировать зерно.

В центре села возвышалась красивая двухшатровая церковь. На самом возвышенном месте, невдалеке от Донской улицы – виднелась уютная рощица засухоустойчивых деревцев и кустарников, огороженная высоким валом и глубоким ровом. Там, в тихой тени, каждому находилось священное место для послеземного равенства и приобщения к небесному сонму праведных тружеников. Разнообразные простые или резные кресты свидетельствовали о том, сколь дороги живым – ушедшие. Над входными резными воротами – икона Спасителя.

Краткий итог раскулачивания для Раевки. От трехсот шестидесяти крестьянских дворов осталось только шестьдесят. Триста дворов и семей "великого перелома" не выдержали – их жителей раскулачили, многие умерли, все более или менее здоровое население разбежалось. Если любознательный и настойчивый исследователь захочет проверить кратко изложенное, он убедится, что, несмотря на систематическое пополнение населения за счёт ссыльных забайкальских казаков, западных украинцев, чеченцев, ингушей, немцев Поволжья, достичь людности, а тем более, прежней благоустроенности села не удалось за все годы большевистской власти. Не только мельницы, но и пустующие все тридцатые годы дома разбирались нерадивыми коммунарами и колхозниками на топливо. Нравственное падение жителей явилось следствием эксперимента по превращению святого чувства привязанности к собственному дому, родительскому очагу в кощунство и мерзость. Чиновные экспериментаторы предписывали каждому коммунару переселяться в "свободный" кулацкий дом и покинуть собственный, дабы "изживать буржуазные пережитки прошлого".

Абстрактная идея торжествовала – преступление продолжалось. Последние кирпичи (саман) немногих добротных хат разобрали на строительство нескольких домов для чиновников Шортандинского районного центра – посёлка Новокубанка. Забулдыги и пьяницы Раевки вырубили последние кладбищенские кресты. В целинную эпопею совхозное начальство расположило впритык к кладбищу машинный двор, чтобы усопшие денно и нощно могли слышать победную поступь строителей "развитого социализма". Церковь вначале превращалась в Нардом

(клуб), где атеистическая молодёжь выкручивала кроковьяки перед ликами ещё не снятых с высокого иконостаса икон. Затем здание служило зернохранилищем. В совхозное время клуб восстановили, одели в роскошное убранство, украли его, уникальное строение ... подожгли.

Массовое бегство из коммун и колхозов, начавшееся с первых актов раскулачивания (1928 г.), превратилось в многолетний системный процесс обезлюднения аграрной сельской местности. Охватившая всю страну война большевистского государства против собственного народа носила особый характер. Разжигая социальную вражду и ненависть в деревне в годы Гражданской войны, власти пытались как-то "оправдывать" её лозунгом классовой борьбы малоземельной бедноты против зажиточного кулачества, острого дележа барских и церковных земель.

В новой антикрестьянской войне стал ещё более превалировать фактор аморального содержания. Иезуитски эксплуатируя низменные человеческие инстинкты и порочные наклонности, власть мобилизовала целую армию глубоко аморальных "активистов", жаждавших получить 25 % раскулаченного имущества, переселиться в раскулаченный дом соседа, получить задарма его благоустроенное подворье, по пьянствовать и покуражиться над поверженным. Губительный яд зависти, ненависть к чужому благополучию, удовольствие от чужого несчастья, вражда к состоятельному труженику, душевная пустота пьяниц и картёжников – всё было мобилизовано на службу государственного наступления на крестьянство.

Центральная власть целенаправленно, годами превращала сельскую местность в поле массовых арестов, насилия, торжества развращённого вседозволенностью разнокалиберного чиновничества над трудовой и добропорядочной крестьянской массой. Только пять лет спустя после начала "Варфоломеевской ночи", чудовищного голода и гибели миллионов Председатель Совета Народных Комиссаров В. Молотов и Секретарь ЦК ВКП(б) Сталин разослали органам ОГПУ, Суда и Прокуратуры инструкцию о том, что они уже **"не нуждаются в массовых репрессиях"**. Фактически же в ней давались новые установки о том, как усовершенствовать террор, чтобы "не свести к нулю влияние нашей партии в деревне" Вот выдержки из этого потрясающего своим невиданным цинизмом документа.

"Секретно. Не для печати.

*ЦК и СНК считают, что в результате наших успехов в деревне наступил момент, когда мы уже не нуждаемся в массовых репрессиях, задевающих, как известно, не только кулаков, **но и единоличников и часть колхозников**. Правда, из ряда областей всё ещё продолжают поступать требования о **массовом выселении из деревни и применении острых форм репрессий**. В ЦК и СНК имеются заявки на немедленное выселение из областей и краёв около **ста тысяч** семей.*

*В ЦК и СНК имеются сведения, из которых видно, что **массовые беспорядочные** аресты в деревне всё ещё продолжают существовать в практике наших работников. Арестовывают председатели колхозов и члены правлений колхозов. Арестовывают председатели сельсоветов и секретари ячеек. Арестовывают районные и краевые уполномоченные. **Арестовывают все, кому не лень**. Не удивительно, что при такой практике арестов, органы, имеющие право ареста, в том числе и органы ОГПУ, и, особенно, милиция теряют чувство меры и зачастую производят аресты без всякого основания, действуя по правилу: **"сначала арестовать, а потом разобраться"**.*

*Эти товарищи, видимо, не понимают, что **метод массового выселения крестьян** за пределы края в условиях новой обстановки изжил себя...*

Было бы неправильно думать, что наличие новой обстановки и необходимость перехода к новым методам работы означают ликвидацию или хотя бы ослабление классовой борьбы в деревне. Наоборот, классовая борьба в деревне будет неизбежно обостряться. ...Наоборот, наша борьба должна быть всемерно усилена, наша бдительность – всемерно обострена.

Речь идёт, стало быть, о том, чтобы улучшить старые способы борьбы, **рационализировать их и сделать наши удары более меткими и организованными**. Речь идёт, наконец, о том, чтобы каждый наш удар был заранее подготовлен политически, чтобы каждый наш удар подкреплялся действиями широких масс крестьянства" [16].

Как видим, государственная машина террора превратилась в кровавый "пэрпетуум мобилэ", который начал пугать даже часть коммунистов, не лишённых здравого смысла и человечности. "Террор, в условиях невиданной централизации и силы аппарата действует почти автоматически, – писал автор коммунистической платформы группы М.Н. Рютина. – Терроризируя других, каждый в то же время терроризирует и самого себя, заставляя лицемерить других, каждый в то же время и сам вынужден выполнять определённую долю этой "работы" [17].

Вполне понятно, что после "политической рационализации" антикрестьянской войны, повышения "меткости и организованности наносимых ударов" бегство населения из коммун и колхозов продолжалось. В ответ центральная власть постоянно совершенствовала государственную систему учёта, выслеживания, поимки и наказания крестьян-беглецов. В 1932 г. вводится единая паспортная система учёта граждан и обязательной прописки их к месту жительства, что существенно рационализировало отлавливание беглецов. В Постановлении Центрального Исполнительного Комитета Верховного Совета СССР и Совета Народных Комиссаров от 27 декабря особо подчёркивалось, что установление единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов производится "также в целях очистки ...населённых мест от кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов".

Как видим из логики этого законодательного акта, правонарушение кулака, единоличника, коммунара и колхозника, выехавшего без разрешения сельсовета или правления колхоза, по составу правонарушения приравнивается к правонарушению уголовника. Уголовным преступление, как известно, квалифицируется покушение на жизнь и имущество. Более того, поскольку паспорта не выдавались всем крестьянам, то по той же логике большевистского права, законодатель заранее приравнивал всех крестьян к уголовным правонарушителям. В преамбуле Постановления ЦИК и СНК прямо говорится, что паспортная система вводится "В целях лучшего учёта населения городов, рабочих посёлков и новостроек и разгрузки этих населённых мест от лиц, не связанных с производством и работой в учреждениях или школах..." [18].

Говоря строго юридическим языком, государство отказало крестьянам в признании их гражданами своей страны. Согласно праву гражданин, как лицо, принадлежащее на правовой основе к определённому государству, имеет определённую правоспособность, наделяется правами, свободами, обременяется обязанностями. На загнанных в большевистские коммуны и колхозы бывших крестьян возложили только обязанности. Более того, не удостоверяя личность крестьянина в качестве гражданина СССР, большевистское государство ставило его вне правовой защиты, открывало органам власти поле для произвольной политической квалификации его поведения. Побег из коммуны и колхоза, независимо от индивидуальных обстоятельств и индивидуальных мотивов выезда, даже может быть по причинам уважительным, карательные органы могли произвольно квалифицировать как побег, то есть – контрреволюционный акт,

направленный не только против коллективизации, но и против советской власти. Чиновники всех уровней получали свободу произвольно вменять "высшую меру социальной защиты" с применением упрощённого процесса, без права обжалования приговора и немедленно приводить приговор в исполнение.

Центральная власть требовала от местных органов ОГПУ систематической отчётности о достигнутых результатах. Представление о размахе такой охоты за людьми даёт записка, переданная по прямому проводу заместителем председателя ОГПУ Евдокимовым из Ростова-на-Дону (1933 г). Он докладывал, что **"выезды без разрешений сельсоветов, правлений колхозов запрещены, однако это мероприятие эффекта не даёт, бегут без разрешения"**. Поэтому Евдокимовым были даны по всем структурным подразделениям милиции "категорические приказы о принятии разносторонних категорических мер по пресечению бегства". Вот сокращённое перечисление только некоторых средств (излагаем близко к тексту, стилю, грамматике).

1) *Мобилизовывалась агентура на борьбу с массовым бегством... Проводится разложенческая работа, разъяснения, вызовы.*

2) *Принимались меры, непрерывно на местах ставился вопрос об усилении массовой разъяснительной работы в целях общественного противодействия бегству.*

3) *По линии Дорожно-транспортного отдела наряду с агитационно-пропагандистской работой на транспорте созданы подвижные группы, оперативные заслоны в пунктах, районах наибольшего скопления, движения беглецов особенно в направлении на Украину, Закавказье, вплоть до проверки едущих, покупающих билеты.*

4) *Силами милиции с привлечением партийно-хозяйственного актива организованы кордоны на основных путях движения беглых, особенно в направлении Черноморья, Закавказья – Черноморском побережье на границе с Абхазией, а также в Дагестане на границе с Азербайджаном, в основных перевалах на Закавказье. Задержанных кулаков, контрреволюционный элемент арестовывали, остальных фильтровали, отдельных после обработки возвращали на места для разложенческой, разъяснительной работы.*

5) *В городах мобилизована агентура для выявления беглых и пресечения возможной контрреволюционной активной и диверсионной работы беглых, осевших в городах на предприятиях и новостройках...*

В результате предпринятых в крае мероприятий (а также проведённых мероприятий по Шахтам, Таганрогу, Ростову и другим) нашими органами задержано беглого элемента 7.534 человека.

...За ноябрь-декабрь бегство по отдельным местам, отдельным станциям давало повышение. В частности по станциям, где имел место наиболее сильный нажим в связи с хлебозаготовками. Сейчас... по сравнению с ноябрём-декабрём даёт понижение. Однако в отдельных районах, отдельных станциях бегство продолжается. Нами установлена концентрация беглых в Приазовских плавнях, готовим операцию. Подготавливаем операцию в Ростове. В то же время в ряде мест отмечаются и факты возвращения беглых" [19].

"Очистка" городов от беглого крестьянства особенно трагично сказывалась на их осиротевших детях, именовавшихся в бездушных милицейских отчётах малолетними преступниками и хулиганами. Голодные, они стремились в города, где, слышали, сохранялась выдача продуктов по карточкам. Еженедельные чистки вокзалов и рынков каждую неделю давали обильный улов. В ходе только первых 8 месяцев после всесоюзной паспортизации были задержаны за нарушение паспортного режима 630 тысяч крестьян, взрослые были посажены без суда и следствия. Весною 1934 г. правительство принимает в отношении малолетних

"правонарушителей" ужесточающие санкции. Выходит указ (7 апреля 1935 г.) – "привлекать к суду и применять необходимые по закону санкции к подросткам, достигшим 12 лет, уличенным в грабежах, насилии, убийствах и т.д."

Вслед СНК направляет в Генеральную прокуратуру секретную инструкцию – применять **любые меры в отношении подростков**, иначе говоря, – вменять смертную казнь. В течение только одного 1936 г. более 125 тысяч подростков привлекались органами НКВД. С 1935 по 1939 годы более 155 тысяч малолетних были посажены в колонии НКВД. К 1 апреля 1939 г. более 10 тысяч малолетних оказались заключенными в лагеря на значительные сроки. Действительно достоин оказался не только презрения, но и проклятия политический режим, который так взывал с детей за проступки, на совершение которых он сам их обрекал.

Массовое бегство крестьян продолжалось и из мест переселения в границах своей области и из мест ссылки в северные и другие отдалённые районы. Оно было ответной реакцией на самую систему и форму наказаний. Во-первых, мера государственного наказания психологически воспринималась как несправедливая, противоречащая традиционным понятиям закона и совести. Атеистическое правительство отбирало у миллионов, в основном верующих, благопристойных и благочестивых людей, не только трудом нажитое имущество, но и жизнь, дарованную Богом. В глазах тружеников большевистская власть не могла оправдать своё насилие, не греша перед Богом. Заповеди не "возжелай чужого добра и не убий" – ничего не значили только для политиков и алчных сельских и городских "активистов", склонных по самой своей натуре к насилию и садизму. Для такой категории людей политика без этики – родная стихия. Примитивизация аграрного сектора экономики и социальная деградация общества им выгодна – они легче находят себе место на службе тоталитарному режиму.

Попробуем вникнуть в религиозную, и светскую философию морали. Что такое зерно и скот, которое крестьяне вынуждены были прятать от властных грабителей. Зерно и скот – продукты тяжелого труда земледельца и кочевника. Для них, земледельцев и кочевников-скотоводов, зерно и домашние животные – это их совесть. Объективированные в **зерне и скоте труд и совесть** завещаны человеку Богом-Творцом, как единственный источник жизни. Наследники и проводники ленинских "высоких" идеалов, включая предпоследнего Генсека с философским образованием Горбачева, самоуверенно отвергали эти простые человеческие истины и божьи заповеди. Их последние могикане ("зюгановцы") и ныне пытаются оправдывать мораль насильников и супостатов, оскорблявших, казнивших и убивавших в Человеке Бога.

Ссылка, как вид уголовного наказания, состоящего в удалении осуждённого из места его жительства, с обязательным поселением в определённой местности, применялась в Российской империи только по суду и только в отношении лиц, обвинявшихся в политических преступлениях. В Англии ссылка была отменена в 1776 г., во Франции в 1946, в большевистской России просуществовала до 1992 г. Массовые ссылки не только кулаков, но и единоличников, и колхозников, и, так называемых, "подкулачников" (лиц, не одобрявших насилие над крестьянством) производились без судебного разбирательства, то есть в административном порядке. И, как видим из инструктивного циркуляра Молотова и Сталина, производилась по распоряжению не только государственных чиновников, но и партийных функционеров (секретарей партийных ячеек и всякого ранга уполномоченных). Заметим, что в царской России административная ссылка, то есть отправка без суда в отдалённые губернии производилась по распоряжению царя, некоторых губернаторов, наделённых таким правом (с 1850-х годов), по распоряжению органов МВД (с 1860-х годов). Большевистским же законодательством административная ссылка формально юридически не

предусматривалась, но фактически применялась в массовом порядке "**всеми, кому не лень**" (утверждение Молотова и Сталина).

Во-вторых, ленинско-сталинская ссылка в сравнении с царской ссылкой была несопоставимо более жестокой. К ссылке Ленину в село Шушенское его невеста Надежда Крупская, привезла свою маму, служанку, рояль. А на своё пособие для политического ссыльного (8 рублей в месяц) Ленин, по воспоминаниям Крупской, снимал крестьянский дом с отоплением, освещением, питанием и двумя баранами на пельмени. Чтобы сытые гости могли петь под рояль революционные песни об "освобождении" России и мировой революции. Сталин получал пособие политического ссыльного в два раза меньше. Но три рубля позволяли ему не работать, ходить на охоту и даже оставлять в Сибири потомков.

В-третьих, большевистская ссылка, как мера государственного наказания предусматривала не только лишение прав и свобод, но и сопровождалась нечеловеческими условиями доставки и содержания.

Вот типичная картина, описанная официальными лицами. Подчеркнём, что это не воспоминания ссыльных. Это докладная записка начальника районного отдела ОГПУ Милованова и уполномоченного Ермакова от 7 апреля 1933 г., составленная по результатам специальной проверки.

*"За время с января по 6 апреля 1933 г. смертность в Нижне-Туринской трудовой колонии достигла до 2200 человек. Смертность повысилась исключительно за счёт вновь прибывших заключённых из Магнитогорска, Перми и других исправительных трудовых колоний с 20 февраля, которые прибывали в Нижне-Туринскую трудовую колонию **до состояния смертности истощены**. Везли их в крытых совершенно необорудованных вагонах из-под угля. В дороге вагоны, вероятно, не отапливали, так как приходили они со снежным покровом на стенах изнутри и по углам с намерзшими наледями. Водой снабжались недостаточно. В результате чего на пути следования лишённые свободы умирали в вагонах. Так 20 февраля из прибывшего эшелона из Магнитогорска привезли 18 трупов, при выгрузке умерло 15 человек и в ночь того же дня умерло 60 человек.*

*К тому же дирекция Нижне-Туринской колонии почти совершенно не была подготовлена к приёму и размещению прибывших **вновь** лишённых свободы, барачков подготовлено не было, питания и воды – тоже, а равно и медобслуживания. Прибывшие лишённые свободы слабые помещались в не совсем отстроенные бараки по 200 и 180 человек, и в стандартный барак вместимостью на 300 человек вмещали до 1800 человек. Ложили в эти бараки слабых больных на пол, так как нар, не говоря уже о койках, не было сделано. Ложились они мёртвые вниз, а на них умирающие, и так продолжалась **укладка**.*

Со стен этих барачков текла вода, на полу сырость, и никакого медицинского обслуживания не было...

*Все прибывшие заключённые по неделе и больше получали один хлеб 300 граммов, и тот выдавался несвоевременно, воды недостаточно, были случаи **воды по суткам не было**.*

...Фельдшером Гайнуллиным... был составлен акт на 4-х человек умерших, которых направили в катафальную, где при снятии с них одежды старшим санитаром Кутюк обнаружили два человека живых, которых он поместил в ванную, и они ещё живы были после этого десять часов.

...В начале марта по расследованию безобразий в колонии прибыла из области комиссия в лице Зырянова (второй помощник начальника областного Управления исправительных трудовых колоний – примеч. издателей документа). Зырянов днём и ночью посылал за вином. Проработав таким образом бригада по расследованию безобразий в колонии неделю, она числа 13 или 15 марта

собралась в квартире помощника директора по воспитательной части тов. Лузянина ...устроила коллективную пьянку, где до бессознания перепились.

...Избиение в колонии продолжается: числа 20 ноября надзиратель Наумов Михаил избил лишённого свободы рукояткой нагана по прозвищу Ерёмка за то, что последний вместе с другими настоятельно требовал у него воды.

Наличие указанных безобразий является продолжением ещё прошлого и при наличии такой семейственности руководящей части колонии, обл. УИТУ и областной прокуратуры они очень трудноискоренимы" [20].

Бесконечность отвратительной жестокости не прерывалась и после завершения процесса этапирования, перевода из колонии в, так называемые, переселенческие посёлки. "Вы только приезжайте и посмотрите на переселенческие посёлки, – писал переселенец Феодосий Лобода в Бюро ЦК партии большевиков в 1932 г., – 75 % оставшихся (многие удрали и многие умерли) пухлые, а причина основная – голод. Можно видеть картину: подросток идёт где-то раздобыть кусок хлеба или даже украсть, ибо голод не свой брат, по дороге падает и умирает и, кроме того, валяется некоторое время как бревно. ...Я не обращаюсь к коменданту, ибо большинство из них только способно говорить: "**захочу – посажу, захочу – с голоду заморю**" [21].

А вот обобщённая картина, из письма секретаря Надеждинского райкома ВКП(б) М.А. Жданова на имя первого секретаря Уральского обкома партии И.Д. Кабакова, от 31 марта 1933 г.:

"1. Отношение к спецпереселенцам в течение всего 1932 года было действительно варварским и преступным. Уже тот факт, что за 1932 год было 10 тысяч смертей и 6,5 тысяч дезертировало, говорит об этом достаточно ярко.

2. Систематический недовоз продуктов питания во второй половине 1932 года повёл к значительному истощению людей.

3. Жилищные постройки находятся по сей день в ужасном состоянии (рамы зачастую без стёкол, дома не проконопачены, печей очень часто нет)".

Пытаясь объяснить причины отвратительной человеческой жестокости, философ Н. Бердяев полгал, что жестокость, злоба и бессердечие людей, личностей – могут быть явлениями, сопутствующими жестокостям войны и жестокостям эпохи. Однако главное, по Бердяеву, – "это жестокость исторической судьбы, жестокость исторического движения, исторического испытания". С таким суждением трудно согласиться – в любую эпоху каждый может оставаться человеком, если он хочет им быть. Пытаясь подобрать эпитеты для сравнения большевистской социальной расправы над крестьянством и другими социальными группами, обычно пишут: "звериная" беспощадность, "зверская" свирепость, "животная" бессердечность и тому подобное. Мне всегда хочется сказать, что такие сравнения оскорбительны как для зверей, так и для животных. Вернее суждение литератора Эдуарда Севруса (Борохов). Жестокость животного, заметил он, ограничивается его прожорливостью, жестокость человека – безгранична, как беспредельны его тупость, жадность, тщеславие.

Великий физиолог Иван Петрович Павлов предупреждал большевистское правительство об огромных социально-психологических последствиях бесчеловечного ленинского эксперимента над соотечественниками. "...Надо помнить, – писал он Председателю СНК Союза ССР В. Молотову, – что человеку, происшедшему из зверей, легко падать, но трудно подниматься. Тем, которые злобно приговаривают к смерти массы себе подобных и с удовольствием приводят это в исполнение, как и тем, насильственно приручаемым участвовать в этом, едва ли возможно оставаться существами, думающими и чувствующими человеком. И с другой стороны. Тем, которые превращаются в забитых

животных, едва ли возможно сделаться существами с чувством собственного достоинства" [22].

Социально-психологические последствия большевистского эксперимента над народами России, (бесчувственность власти и его социальной опоры) не преодолены и до настоящего времени. Не только из нравственного обихода, но и из повседневной лексики исчезли слова "милосердие", "сострадание", "радушие". Одной из достопримечательностей современной России, пишет еженедельник «Аргументы и факты», стали высоченные заборы. За этими заборами 3 % "счастливых" прячутся от остальных россиян. Частные охранники, защищающие "острова стабильности", скоро по численности превысят состав регулярной армии. ...А наше бесстыдное телевидение ежедневно демонстрирует народу, как представители власти, новые богатеи, высшее чиновничество, вчерашние бандиты и коррупционеры "сливаются в экстазе" счастья. Да так сливаются, что порой трудно различить, где у нас элита, а где жульё и обслуживающие их поповские б..." [23].

Вернёмся к глобальной оценке последствий ленинского эксперимента. **"Вы напрасно верите в мировую революцию, – писал Павлов Молотову. – ...Вы просто сеете по культурному миру не революцию, а с огромным успехом фашизм. До вашей революции фашизма не было. ...ведь только политическим младенцам Временного правительства было мало даже двух ваших репетиций перед Вашим Октябрьским торжеством. ...Чем пользовались и пользуетесь Вы – террор и насилие"** (подчёркнуто мною – В.Д.) [24].

Ленинцы считали необходимым с помощью средств устрашения вселить в правосознание всего крестьянина чувство гражданской неполноценности. Непролетарское социальное происхождение человека, отмеченное в анкете (или "выявленное" доносчиком), должно было стать источником постоянной тревоги не только за свою судьбу, но и за судьбу своих потомков. В души крестьян вселяли чувства социального унижения, смятения, постоянного ожидания непреходящей политической опасности, смутной тревоги, нераскрытой до конца вины перед всемогущим государством, **неоплаченного долга перед "заботливой" партией.**

Болезненно-мучительная тревога подавляла духовную активность, действовала угнетающе не только на крестьянство. Метались в поисках справедливого вождя и промышленные рабочие. Приведём только одно характерное письмо, адресованное Председателю Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинину в феврале 1930 г.

"Отцу рабочего люда.

Дорогой товарищ Михаил Иванович.

Жизнь рабочего тяжела. Жёны обедать не дают, уходят с 5 часов утра за хлебом, мясом, картошками. Приходят домой около четырёх часов, и то принесет не всё. Есть нечего. Я всегда голодный. А дети босые и голодные. С каждым днём всё хуже-хуже. Мужик на базар ничего не везёт. Что будем делать? Надежда на Вас.

Уважающий Вас рабочий из завода Ленина. Помогите нам" [25].

В такой социальной атмосфере даже "гордый буревестник революции" М. Горький дошёл до холопского самоунижения. Обращался к властителям с заверениями в своей верноподданнической лояльности и любви "по праву советского гражданина, не чуждого великолепной работе партии, искренне восхищённого работой её неутомимых вождей, искренне и любовно уважающего их". "Мне думается, – писал он наркому Климу Ворошилову, – что я, пожалуй, лучше многих и весьма многих людей вижу, как культурно-революционная деятельность **партии-няньки 170 миллионов детей мощно и уверенно воспитывает** их не сказками, а – делами, суровой и непобедимой правдой этого дела" [26].

Письмо написано в 1934 году, когда народ ещё не пришёл в себя от кошмаров великого голода 1932-1933 годов. Ленинизм в основном достиг своей цели – создания духовной атмосферы всеобщего рабства. Как видим, даже большой талант был не в силах избежать восприятия рабства в качестве дарованного сверху социального блага. Аристотель допускал, что "можно вообразить и науку о власти господина, как и науку о рабстве". Однако философ категорически утверждал, что в **"этой науке нет ничего ни возвышенного, ни великого"**. Что же касается науки о приобретении рабов (в той мере, в какой оно справедливо), то она отличается от обоих выше указанных, являясь чем-то вроде **науки о войне или науки об охоте**".

В конечном результате государственная война и охота на частных производителей, крестьян, кустарей, ремесленников, охотников и звероловов закончилась полной победой большевистского государства. Всех загнали в коммуны, тозы, мелкксертики, колхозы, артели. На весь мир была развёрнута пропаганда фиктивных достоинств социального эксперимента. Вот его энциклопедический образец. "Претворяя в жизнь ленинский кооперативный план, КПСС осуществила коренной переворот в вековом экономическом укладе, в быту, в сознании миллионных масс крестьянства. Победа колхозного строя в СССР имеет всемирно-историческое значение. Опыт социалистического переустройства сельского хозяйства в СССР творчески применяется в других социалистических странах, а также в развивающихся странах, идущих по некапиталистическому пути развития. Идеи кооперирования приобретают огромную притягательную силу и для трудящихся крестьян капиталистических стран, побуждая их усиливать революционную борьбу за освобождение от гнёта монополий" [27].

"Научное" содержание сотен докторских и кандидатских диссертаций, десятков тысяч "исследовательских" и пропагандистских статей обобщено в энциклопедиях, повторяющих партийную апологетику. Коротко говоря, оно сводится к следующему. Кооперация – это гениальное социальное открытие великого Ленина, а коллективизация – это великое воплощение ленинских идей и методов кооперирования [28].

Элементарная логика экономической науки обязывает нас заметить, что большевистские колхозы, равно как и ленинский кооперативный план не имеют ничего общего с признанным во всём мире научным представлением о кооперации и кооперировании. «Современная большая экономическая энциклопедия» в отличие от советских изданий чётко определяет кооператив как предприятие или организацию, которая создаётся путём добровольного объединения для совместной **предпринимательской** деятельности. Кооператив представляет собою юридическое лицо, которое осуществляет свою деятельность **на принципах самофинансирования и самоуправления**.

Ленинско-сталинские колхозы – **это государственные организации, по тотальному изъятию продукции аграрного производства**. Работающие в них люди – это **государственное полевые рабочие**, не защищённые ни трудовым договором об условиях оплаты труда, ни научным учётом его качества и количества. В колхозах 30-х годов не предусматривалась заработная плата в общепринятом содержании этого понятия. То есть право на своевременное получение заранее оговорённой суммы денежных средств. "Оплата" труда производилась один раз в год, по окончании хозяйственного цикла работ. Как правило, только зерном и только в размерах, указанных районным комитетом партии. Решение принималось в зависимости от выполнения плана сдачи продукции государству колхозом, районом, областью, республикой (по принципу круговой поруки внутри этих структурных единиц). Могли и всё выгрести под метёлку, как в годы большевистских перманентных голодовок. Ныне общеизвестно, что в итоге первого после начала коллективизации голода в Украине погибло от семи до десяти миллионов человек

или каждый пятый житель. В Казахстане – каждый третий. Разница не в различном отношении властей к этносам. Меню славянского населения помимо продуктов животноводства включает злаки, овощи и дикие травы. У казахов – исключительно молоко и мясо. Конфискация государством животных обрекала кочевые аулы на поголовное вымирание. Спасались только бегством в зарубежные страны.

Учёт количества, качества и квалификации труда в первых коммунах и колхозах отсутствовал по принципиальным идеологическим мотивам. Обанкротившись с пагубной уравниловкой, власти объявили своё же собственное детище "мелкобуржуазной уравниловкой" и в течение 1930-1931 годов начали внедрять печально знаменитый **трудодень**. Палочка – горько шутили колхозники, – применялась до 1966 года. То есть, говоря современным языком, трудодень представлял собою виртуальную единицу, которая не учитывала рабочее время в часах в продолжение рабочего дня, недели, месяца, года. Колхозники работали "от зари до зари". Выходные дни и отпуска не предусматривались (между прочим, нелишне заметить, что теоретик социалистического труда Ленин даже во время Гражданской войны пользовался отпусками по два-три раза в год). У дореволюционного крестьянина благодаря церковному календарю существовало около сорока праздников, в которые труд считался грехом – человек отдыхал. Строителям социализма предоставлялось право не работать только в годовщину Октябрьской революции (2 дня) и в Первомайские – 2 дня. С обязательным участием в верноподданнических демонстрациях с портретами вождей и громкими здравицами.

Шкала (ножницы) оценки труда колебалась от 0,5 трудодня до 4 трудодней за день. Законодатель устанавливал обязательный минимум трудодней. Колхозник, не наработавший в течение года минимума в 300 трудодней, лишался права пользования сельским магазином, в котором были осветительный керосин и спички – без чего никак нельзя. Только в 1954-1955 годах начинается введение ежеквартального, реже ежемесячного денежного авансирования трудодня. И только в 1966 г. колхозников перевели на ежемесячную денежную "гарантированную" оплату труда без применения трудодня.

После более десяти лет работы колхозов, стало совершенно очевидным, что спасительное личное подсобное хозяйство, ограниченно допускавшееся на нищенских клочках земли и ручном труде, продолжало демонстрировать свои преимущества. По официальным статистическим сведениям в 1940 г. на его долю приходилось 65 % валового производства картофеля, 48 % – овощей, 72 % – мяса, 77 % – молока, 94 % – яиц, 39 % – шерсти. Однако идеологический гонор заставлял власти упорно утверждать, якобы основой продовольственного обеспечения в СССР является производство общественное. Личные же подсобные хозяйства "служат лишь дополнительным источником доходов трудящихся" [29].

Для сокрытия преимущества индивидуального семейного хозяйства, марксистские теоретики изобрели термин и понятие "**личная собственность**". В «Юридическом энциклопедическом словаре» 1987 г. ещё сохранялось утверждение, что личная собственность "неразрывно связана с социалистической собственностью", но носит потребительский характер. А "основным источником" личной собственности должны служить доходы от участия в общественном труде, а также помощь государства лицам, подготавливающимся к квалифицированному труду (стипендии учащимся) и лицам, перешедшим на заслуженный отдых. Ложь очевидна.

Основами гражданского законодательства и Основами уголовного законодательства скрупулёзно устанавливали правила, имевшие целью **"обеспечить потребительское назначение личной собственности граждан, препятствовать превращению её в средство наживы"**. Под наживой, пояснял

ортодоксальный правовед, следовало понимать **"лёгкий нетрудовой доход, наживание денег, материальных ценностей"**. Исходя из такой трактовки категории личной собственности, законодатель-марксист строго регулировал правовые функции личной собственности граждан СССР. В личной собственности граждан, разъясняет «Юридический энциклопедический словарь» (М., 1987), может находиться только один жилой дом, предусматриваются его предельные размеры, порядок продажи и покупки дома, сдачи в наём помещений и иного имущества. Иными словами, личная собственность была обречена на стагнацию, физический износ. Наличие внутреннего потенциала роста не только не предусматривалось, но и было наказуемо.

В социалистическом (советском) праве вынужденное допущение частной собственности упорно именовалось личной собственностью вплоть до начала пресловутой горбачёвской перестройки. Тем самым подчёркивалось, что она может быть использована только для удовлетворения потребностей лица в соответствии с назначением объекта собственности, но не для извлечения доходов или "спекуляции". Заметим, продукт собственного труда не может быть предметом спекуляции, это – предмет продажи. До принятия закона СССР о собственности 1990 г. круг предметов, могущих находиться в личной собственности, оставался ограниченным. Дом и то должен был отвечать размерам, установленным государством. Теплицы на карьерной родине Михаила Горбачёв трошились милиционерами до начала пресловутой перестройки. На садовых участках регулировались не только размеры домика по количеству квадратных метров, высоте крыши, но и толщине внешней штукатурки.

Даже в конце последней трети XX века приусадебное землепользование колхозников в СССР продолжало носить не **предпринимательский, а сугубо потребительский, натуральный, средневековый** характер. Максимальный размер приусадебного участка семьи колхозника – 0,50 га, а на поливных землях – 0,20 га. Обрабатывать приусадебный участок члены семьи обязаны только своим трудом и, как правило, вручную. Примерным уставом колхоза 1969 г. (п. 42), именно в этих пределах колхозы и определяли конкретные размеры приусадебных участков колхозных дворов, независимо от их людности. В 30-х годах – не более 0,12 га, так же независимо от людности двора. Для сравнения напомним размеры землепользования крестьян по состоянию на 1905 г. То есть до столыпинской прибавки. В среднем на крестьянский двор приходилось наделённой земли: у бывших помещичьих крестьян – 6,7 десятины, у удельных – 9,5 десятины, у государственных – 12,5 десятины, Десятина того времени равнялась 1,092 гектара. К тому же, статистика фиксировала устойчивую тенденцию к увеличению размеров крестьянского землепользования за счёт сокращения дворянского (господа и тогда не любили работать!).

И главное, крестьянину закон не запрещал прикупать землю, обзаводиться техническими средствами, брать под её заставу кредиты, выращивать и свободно продавать любые продукты своего труда. Иными словами – на своём клочке земли он мог хозяйствовать как скромный предприниматель (потомственный дворянин Ленин называл это "кулачеством").

В отличие от крестьян колхозники 1930-х годов не только кормились в основном от своего несопоставимо урезанного участка. Большевистский законодатель с беспощадной тщательностью регулировал его размеры, чтобы не допустить экономической возможности уклониться от работы только в "общественном секторе". Вдобавок непомерные налоги исключали возможность получить доход с приусадебного участка, который бы превысил нищенский уровень продовольственного самообеспечения. С каждой коровы полагалось сдать 13 кг масла (в топлёном виде). Норма коров в колхозном дворе – от одной до трёх

(постоянно менялась). Одна-две свиньи с приплодом. Не более десяти овец. Налог на овец – 3 кг шерсти со двора. 75 кг мяса со двора. Триста штук куриных яиц. Количество кур ограничивалось постоянной нехваткой зерна на их прокорм. Содержание лошадей категорически запрещалось.

Жёсткое государственное регулирование хозяйства на приусадебном участке охватывало не только определение количества и видов животных и птиц, но и порядок их использования. Даже технологию потребления. Бычка-одногодка колхозник не имел права продать в живом виде. Его надлежало в установленные сроки (осенью) сдать государству по, так называемой, контрактации. Условия контрактации государство в одностороннем порядке определяло и по срокам сдачи и по ценам. Шкуру с откормленной на убой свиньи надлежало снять и сдать на пункт государственных заготовок. За опаливание свиньи соломой – полгода тюремного заключения. В 1948 г. Сталин и Молотов подписали ещё один уникальный налоговый документ – сдавать полторы шкуры с каждой овцы. Видимо, были убеждены, что яловых овец не бывает. Мудрено быть всеильными вождями.

Во-вторых, не отвечает действительности пропагандистское утверждение о том, что колхозные "квалифицированные" кадры готовились государством. Во-первых, их в 1930 годы не было. Позже трактористы и комбайнеры готовились за счёт колхозов. Пенсионного обеспечения в колхозах до 1950-х годов вообще не существовало. После 1950-х устанавливалась символическая пенсия за счёт колхоза, но не государства. Переехав в город к детям престарелый колхозник не получал ни государственную пенсию, ни колхозную.

Подведём итог. Приведённые выше факты свидетельствуют, сравнивать колхозника с барскими, с удельными, а тем более с государственными крепостными крестьянами некорректно ни по экономическому (размеры земли, орудий труда), ни по гражданско-правовому положению. Правовое положение колхозников не сравнимо также с **отходниками** из крепостнической общины. Возможность для **внеземледельческих** заработков впервые была феодалами дозволена уже в XV веке. В середине XVIII в. в некоторых губерниях уходило на заработки от 15 до 20 % деревенских мужчин. В первой половине XIX в. число отходников превысило один миллион человек.

Отказ от статуса колхозника ленинское законодательство приравнивало к неправоправной политической деятельности, к "подлой подрывной работе, подрывающей основы советского государства" (официальная формулировка). Все 30-е годы увеличивались масштабы преследования, нарастала жестокость санкций, упрощались процессы (суд "тройки"), исполнение в 24 часа. Рамки статьи не позволяют полностью опубликовать проект изуверского приказа Наркома внутренних дел СССР, Генерального комиссара государственной безопасности Н. Ежова, утверждённого постановлением Политбюро ЦК ВКП(б), подписанного Сталиным 31 июня 1937 г. "Операцию" приказано было начать 5 августа 1937 г. и в четырёхмесячный срок строго по разнарядке, по всем республикам, по всем областям подвергнуть репрессиям сотни тысяч человек, в том числе и тех, кто уже находился по много лет в лагерях НКВД. Характерно, что в перечне социальной и политической принадлежности репрессируемых лиц тщательно выделены именно крестьяне-"кулаки". Поскольку к кулакам и подкулачникам власть относилась любого, покинувшего колхоз, загнанным в него обитателям ничего не оставалось, как смириться с новой участью во имя спасения своей жизни, чаще – жизни своих детей.

Как видим, юридический и нравственно-этический анализ разнообразных партийных и государственных документов с несомненностью убеждает, что сравнивать колхозников с барскими, с удельными, а тем более с государственными крепостными крестьянами некорректно. По экономическому и гражданско-правовому положению большевистская власть поставила колхозников несравнимо ниже. В

самосознании советского общества, вопреки фальшивой официальной пропаганде высокого образа "колхозного крестьянства", закрепилось стойкое представление о колхозниках как людях второго сорта. Дочь Сталина пишет в своих мемуарах, что в гневе отец обзывал её и нелюбимого сына Якова – "колхозники!". "У, колхозница!" – корил постовой милиционер горожанку, за переход улицы не по правилам.

Некорректно сравнение колхозников и с батраками. Батраки, то есть сельскохозяйственные наёмные рабочие, имевшие небольшие земельные наделы или совсем лишившиеся земли, по крайней мере, имели свободу передвижения по стране, право поиска работы у разных хозяев, на промышленных предприятиях в том числе. Они не были лишены права свободно искать работодателя, наниматься к нему, договариваться об условиях найма и работы. Беспаспортные колхозники были приписаны к определённым колхозам, обозначаемым, как правило, именами членов Политбюро ЦК ВКП(б) и обязаны были работать в них не по специальности, а по принципу – **"куда пошлют"**.

Неправомерно сравнение колхозников и с рабами. Юридическое оформление их политического и социально-правового статуса ни в какой мере не было связано с пребыванием во враждебной Российской империи армии. Они не были военнопленными вражеского государства, не совершали правонарушений уголовного характера в своей стране. Врагами народа частнособственническое крестьянство объявлено Лениным и его единомышленниками для создания азиатского способа производства, для экономического и политического ограждения своей монополии на тоталитарную и авторитарную власть. Морально-политическое, нравственное, духовное самочувствие колхозников оказалось для них более гнетущим, чем для рабов или уголовных преступников в Древних государствах.

Следовательно, в предварительном подходе определение может быть коротким: колхозники – это колхозники. Это совершенно новый социальный класс **полевых рабочих** в большевистском тоталитарном обществе, лишённых экономических прав и свобод и резко ограниченных в политических правах и свободах в сравнении с промышленными рабочими и государственными служащими.

Источники и литература

1. Волкогонов Дмитрий. Ленин – Политический портрет: в 2 кн. – Кн. 2. – М.: Изд-во "Новости", 1994.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 37. – С. 326.
3. См.: Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М., 1984. – Т. 4, кн. 1, фрагменты 5-й, 7-й.
4. Государственный архив Саратовской области, ф.4, оп.10, д.174, л.25-26; Письмо опубликовано в сб. документов: История России. 1917-1940. Хрестоматия. – Екатеринбург, 1993. – С. 265-267.
5. Из воспоминаний В.В. Мазурина // Воспоминания крестьян-толстовцев. – М., 1989. – С.117-118.
6. Заявление Д.Е. Моргачёва написано 24 июля 1976 г. См.: Воспоминания крестьян-толстовцев. – М., 1989. – С. 140-141.
7. Чего добиваются повстанцы-махновцы / Изд. Штаба дивизии повстанцев войск имени Батько-Махно. 1919 г. – С. 9-16.
8. Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. – 1960. – С. 7.
9. Бухарин: человек, политик, учёный. – М. 1990. – С. 82-131.
10. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 37. – С. 182; Т. 38. – С. 19.
11. См.: Сталин И.В. Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // Сочинения. – М., 1952. – С. 167-169.
12. Из письма заместителя наркома финансов М.И. Фрумкина в Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 июня 1928 г. План выхода из аграрного, экономического и социального кризиса он изложил в виде одиннадцати конкретных предложений. См.:

- Литературная газета. – 1990. – 26 декабря. Родился Моисей Ильич Фрумкин в 1878 г., член РСДРП с 1904 г., расстрелян в 1938 г.
13. Правда. – 1930. – 17 марта.
 14. СОЦДОО, ф.4, оп.8, д.54, л.38. Полный текст циркуляра опубликован в сб. документов: История России. 1917-1940. Хрестоматия. – Екатеринбург, 1993. – С. 254.
 15. РЦХИДНИ, ф.17, оп.129, д.52, л.59. Док. опубликован в сб. документов: История России. 1917-1940. Хрестоматия. – Екатеринбург, 1993. – С. 262.
 16. Из инструкции всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, Суда и Прокуратуры от 8 мая 1933 г., подписанной Председателем СНК В. Молотовым (Скрябиным) и Секретарём ЦК ВКП(б) И. Сталиным. Архивный документ со ссылкой на шифр: СОЦДОО, ф.4, оп.11, д.181, л. 149-149об. опубликован в сб. документов: История России. 1917-1940. Хрестоматия. – Екатеринбург, 1993. – С. 282-285.
 17. Из Платформы Союза марксистов-ленинцев (группа Рютина). Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 8. – С. 202-203; № 11. – С. 185; № 12. – С. 188-189, 195-199. Рютин Мартемьян Никитич (1890-1937) – член РСДРП с 1914 г. В 1930 г. исключён из партии "за пропаганду правооппортунистических взглядов". В 1932 г. исключён из партии и приговорён к 10 годам тюремного заключения. В 1937 г. – расстрелян.
 18. См.: Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР, издаваемое Управлением Совета народных комиссаров Союза ССР и СТО. – М. 1932. – Ст. 516. С. 821-822.
 19. Полностью док. опубликован в сб. документов: История России. 1917-1940. Хрестоматия. – Екатеринбург, 1993. – С. 267-268.
 20. Архивный док. опубликован в сб. документов: История России. 1917-1940. Хрестоматия. – Екатеринбург, 1993. – С. 280-281.
 21. Архивный док. полностью опубликован в сб. документов: История России. 1917-1940. Хрестоматия. – Екатеринбург, 1993. – С. 267-268.
 22. Своевременные мысли или Пророки в своём отечестве. – Л., 1989. – С. 95-96.
 23. Костиков Вячеслав. "За что обижаешь, барин?" – Аргументы и факты. – 2008. – № 10. Статья написана по письмам читателей, поступающим в редакцию.
 24. Своевременные мысли или Пророки в своём отечестве. – Л., 1989. – С. 95.
 25. Архивный док. под заголовком "Отцу рабочего люда" Письмо М.И. Калинину. Февраль 1930 г. опубликован в сб. документов: История России. 1917-1940. Хрестоматия. – Екатеринбург, 1993. – С. 261.
 26. Известия ЦК КПСС. – 1991. – № 8. – С. 107.
 27. См.: БСЭ. – 3-е изд. – Т. 12. – С. 425-428.
 28. См. группу статей, посвящённых кооперации и кооперативном плану В.И. Ленина в БСЭ. Т. 13.
 29. Белянов В.А. Личное подсобное хозяйство при социализме. – М., 1970; Шмелёв Г.И. Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. – М., 1971.

Анотація

Автором проаналізована термінологія радянської і пострадянської наукової літератури щодо колгоспного селянства, та вводиться власне трактування терміну.

Summary

Having analyzed legally and morally various Bolsheviks party and state documents, the author has come to the conclusion that collective farmers cant be compared to serfs belonging to either **landowners**, independent owners or the more so to the state. According to their economic, civil and legal status they ranked much lower.

Also illegal seems the comparison of collective farmers and slaves. Their political, social and legal status was in no way connected to their serving in the hostile army. They were not prisoners of war, they did not commit criminal offences in their country. Peasants-landowners were branded by Lenin and his collaborators as "people's enemies" with the aim of creating the Asian mode of production and safeguarding economically and

politically their monopoly for totalitarian and authoritarian power. Under the circumstances the moral, political and spiritual feelings of collective farmers were more oppressive than those of slaves or criminal offenders in ancient states.

Thus, roughly speaking, the definition may sound briefly like this: collective farmers are collective farmers. It is a completely new social class of field workers in the bolshevist totalitarian society deprived of economic rights and liberties and extremely restricted in political rights and liberties as compared to workers and employees.

УДК 939.8

М.В. Герасименко

ДОСЯГНЕННЯ ЗЕМСТВ ПІВДНЯ УКРАЇНИ В ОРГАНІЗАЦІЇ МЕДИЧНОЇ ДОПОМОГИ НАСЕЛЕННЮ НА ПОЧАТКОВОМУ ЕТАПІ ДІЯЛЬНОСТІ (60-70-ті роки XIX ст.)

З набуттям Україною незалежності помітно активізувалася робота вітчизняних істориків із вивчення земсько-медичної спадщини. У наукових збірниках та фахових журналах усе частіше стали з'являтися статті та повідомлення про діяльність окремих земств (органів місцевого самоврядування другої половини XIX – початку XX ст.) у сфері охорони здоров'я. А останнім часом українська історіографія поповнилася і декількома спеціальними дослідженнями земської медицини, що були здійснені у рамках дисертаційних робіт [1].

Огляд указаних дисертацій та статей, а також праць земсько-медичної тематики дорадянської й радянської доби, свідчить, що всі науковці розглядають роботу земських закладів з улаштування медичного обслуговування населення як поступальний процес. У цьому процесі кожний із них схильний виділяти ряд періодів (етапів). І хоча єдиного підходу до періодизації історії земської медицини не існує, усі земствознавці обов'язково вказують на початковий етап у діяльності земств по забезпеченню населення медичною допомогою. Потім, переважна їх більшість, через відсутність швидких значимих результатів у медичній справі, залишають цей етап без уваги, або розглядають його як не суттєвий у земсько-медичній історії. Проте, висвітлений нижче досвід організації медичного обслуговування земських зібрань південноукраїнського краю на ранній стадії їхнього функціонування, дає нам підстави стверджувати про безперечну важливість початкового етапу в становленні й розвитку земської та і громадської медицини в цілому.

І так, у південних губерніях України (Катеринославській, Таврійській та Херсонській) початковий етап процесу земсько-медичного будівництва тривав майже десятиріччя: від часу заснування земств (1865-1866 рр.) до середини-кінця 1870-х років, коли земські діячі для розробки програм розвитку медицини й вирішення нагальних її проблем залучили фахівців, започаткувавши з'їзди лікарів. Для того, щоб побачити здобутки земств в охоронні здоров'я цього періоду і дати йому належну оцінку, необхідно охарактеризувати стан медичної допомоги напередодні земської реформи і ту спадщину, яка їм дісталася.

Літературні та документальні джерела свідчать, що до земської реформи медичне обслуговування населення в південних губерніях, як і у всій Російській імперії, здійснювали в основному підпорядковані Міністерству внутрішніх справ Прикази громадської опіки. Для цього вони утримували в губернських і повітових центрах опікунські та лікувальні установи. У Катеринославі, Сімферополі та Херсоні ці установи створювали єдиний комплекс (лікарня, будинок психічно хворих, притулок і богадільня) під назвою богоугодні заклади. У повітових містах, за винятком Олешок Таврійської губернії, Прикази мали невеличкі лікарні. Вони призначалися переважно